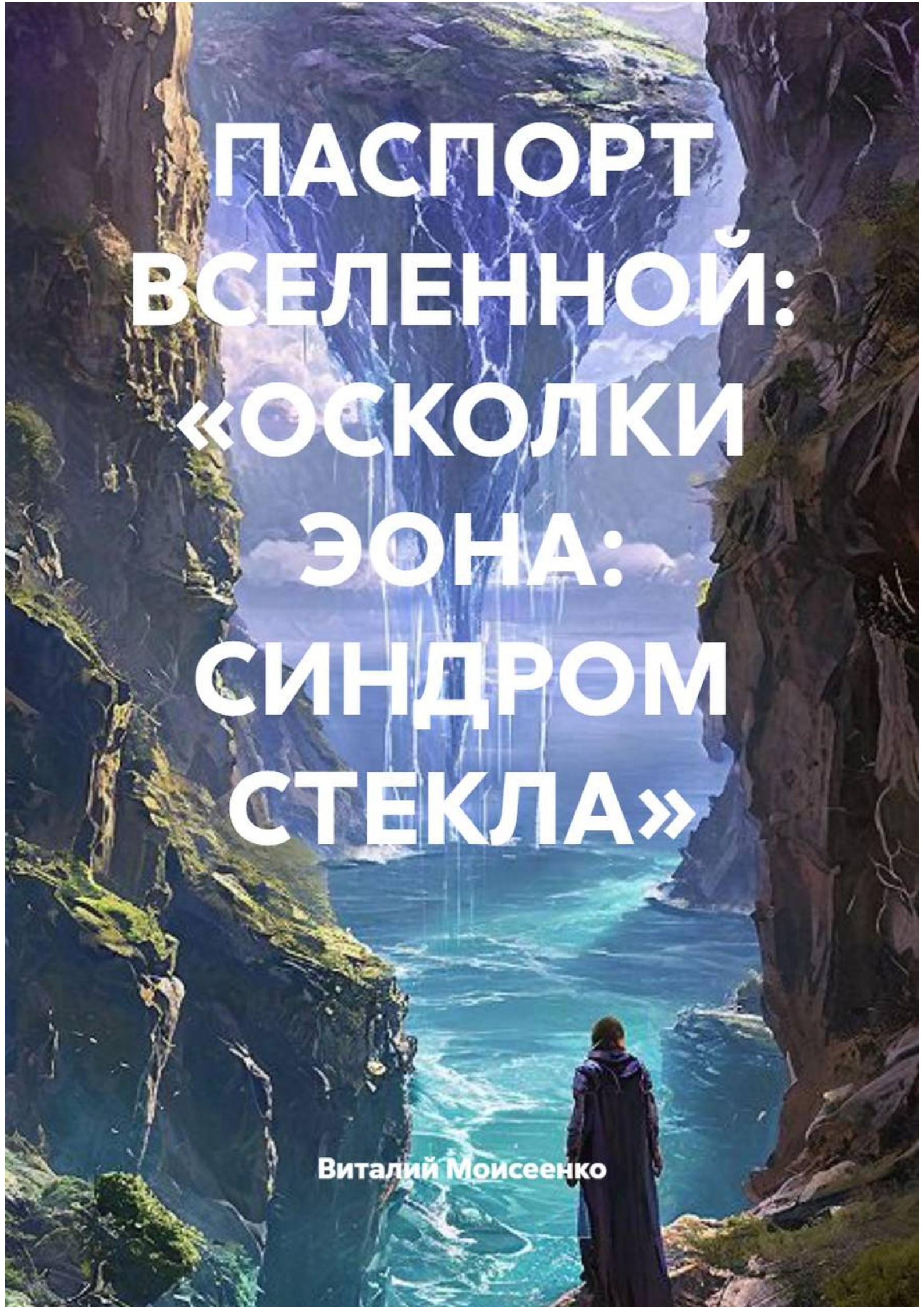

The background image is a vertical composition. It features a person from behind, wearing a dark, long-sleeved cloak, standing on a rocky ledge. They are looking out over a vast, surreal landscape. In the foreground, there's a body of water with a vibrant turquoise and blue hue. Beyond the water, a massive waterfall cascades down a dark, craggy cliff. The background is filled with more cliffs and a hazy, ethereal atmosphere with soft, colorful light filtering through. The overall tone is mysterious and expansive.

ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ: «ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА»

Виталий Моисеенко

Виталий Моисеенко

**ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ:
«ОСКОЛКИ ЭОНА:
СИНДРОМ СТЕКЛА»**

«Автор»

2026

Моисеенко В.

ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ: «ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА» / В. Моисеенко — «Автор», 2026

«ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА» Тысячу лет назад Небо расколосось. Теперь мир — это парящие острова над фиолетовой бездной, где туман стирает память и материю. Вэнс — чистильщик, ныряльщик в Море Забвения. Он добывает артефакты для Инквизиции Якоря, скрывая свой главный секрет: его тело медленно превращается в стекло. Витрификация — цена магии. И когда процесс завершится, он разобьётся на тысячу осколков. Но всё меняется, когда он находит это — пульсирующее сердце из латуни и жидкого света, бьющееся в ритме его собственного сердца. Инквизиция хочет уничтожить находку. Стая Ржавого Ветра хочет её продать. А Безмолвные — стеклянные статуи древних — хотят её вернуть. Вэнсу придётся бежать. Вниз. В Море Забвения, откуда никто не возвращался. Там, на дне реальности, он встретит Элию — девушку с Абсолютной Памятью, которая помнит всё, что мир забыл. И узнает правду: катастрофа не была концом света. Это была казнь. И кто-то всё ещё держит палача.

© Моисеенко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Гравитация Пепла	5
ГЛАВА 2. Библиотека Утонувших	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Виталий Моисеенко

ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ: «ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА»

ГЛАВА 1. Гравитация Пепла

Стекло не болит. Оно только звенит, когда трескается.

Вэнс висел на гравитационном тросе в трехстах метрах над поверхностью Моря Забвения. Вокруг пахло озоном, старой пылью и сладковатым запахом гниющих воспоминаний. Фиолетовый туман внизу медленно кипел, occasionally выбрасывая вверх щупальца из сгущенного пепла, пытаясь достать его сапоги.

— Глубина двести восемьдесят, — трещал рацию голос напарника. — Вэнс, твой пульс на пределе. И датчик Резонанса сходит с ума. Вытаскивай задницу наверх.

Вэнс игнорировал его, стиснув зубы. Он посмотрел на свою левую руку. Кожа на запястье была идеальной, но вот правая... Правая рука до самого локтя была черной, полупрозрачной, как вулканическое стекло. По ней шли тонкие, светящиеся изнутри трещины. *Звон*. Одна из трещин на безымянном пальце удлинилась на миллиметр.

Витрификация прогрессировала. Если он задержится в зоне аномалии еще на минуту, палец отколется. А за ним — и вся рука.

— Я нашел это, — прохрипел Вэнс, вытирая пот со лба чистой стороной перчатки.

Перед ним, вцепившись когтями в обломки парящей скалы, висело *оно*. Это не было похоже на Эхо Творцов. Инквизиция учила, что артефакты древних имеют идеальную геометрическую форму. Но эта штука выглядела как сердце, сплетенное из ржавой латуни, жил и... жидкого света. Оно пульсировало. Тусклое голубое свечение ритмично наполняло стеклянные вены механизма.

Вэнс достал контейнер из свинца и стекла. — Крюк, ко мне.

Из тени его плаща выскользнула лиса. Точнее, то, что ее напоминало. Тело существа состояло из дыма и медленно вращающихся бронзовых шестеренок, а вместо хвоста горел синий огонь. Крюк фыркнул, выпустив клубок искр, и ловко прыгнул на обломок скалы, прижимая пульсирующее сердце лапами.

«*Оно теплое,*» — прозвучал в голове Вэнса голос, похожий на скрежет металла по стеклу. Крюк никогда не говорил вслух, но Вэнс давно привык к этому голосу в своей голове. «*И оно голодное.*»

— Просто положи его в контейнер, — Вэнс протянул руку.

В этот момент Море Забвения внизу взревело.

Туман расступился, и из фиолетовой пучины вырвался гигантский пузырь памяти. Он лопнул прямо над головой Вэнса, окатив его волной чужих воспоминаний: *запах материнского хлеба, крик падающего ребенка, вкус крови на снегу*.

Вэнс застонал, падая на колени прямо на тросе. Витрификация реагировала на чужие эмоции. Трещины на его черной руке вспыхнули ослепительно-белым. *Звон*. Стеклянный мизинец откололся и с тихим звоном упал в бездну.

— Вэнс! Твой индекс стабильности упал до нуля! — орал рацию. — Инквизиция засекла всплеск! Они идут!

Вэнс поднял глаза. С верхних ярусов острова-полиса, пробивая облака, спускались три фигуры. Инквизиторы Якоря. Их паровые экзоскелеты ревели, выпуская клубы белого пара, а

на плечах были установлены тяжелые гарпунные пушки. Они не искали артефакты. Они искали *его*. Стекловитов не арестовывали. Их зачищали.

Вэнс посмотрел на контейнер в руках Крюка. Сердце пульсировало быстрее, словно чувствуя опасность. И вдруг Вэнс понял то, что не должны были понимать даже верховные Жрецы Якоря.

Это сердце не было артефактом прошлого. Оно тикало в ритме его *собственного* сердца.

— Крюк, прыжок! — скомандовал Вэнс.

Лиса-механизм метнулась ему на плечо, сливаясь с дымом плаща. Вэнс не стал подниматься вверх, к Инквизиторам. Он нажал кнопку на поясе, отстегивая гравитационный трос.

Свободное падение.

Ветер свистел в ушах. Фиолетовый туман Моря Забвения стремительно приближался, раскрывая пасть, готовую стереть его из реальности. Сверху раздался грохот гарпунных выстрелов. Стальные когти с тросами вонзились в скалу в метре от его головы.

— Он уходит в Бездну! — донесся искаженный рацией голос Инквизитора. — Доложить Командору! Чистильщик нашел Ядро!

Вэнс усмехнулся, чувствуя, как холодный туман начинает обжигать кожу лица. Его стеклянная рука трещала, требуя выплеска Резонанса, иначе она разобьется от удара о туман.

— Ну что ж, — прошептал он, сжимая контейнер. — Посмотрим, что ты умеешь, мое новое сердечко.

Он закрыл глаза и позволил магии ударить по трещинам.

ГЛАВА 2. Библиотека Утонувших

Падение в Море Забвения не похоже на смерть. Смерть — это тишина. А здесь было слишком *громко*.

Фиолетовый туман сомкнулся над головой Вэнса, как челюсти левиафана, и мир взорвался звуками. Тысячи голосов кричали одновременно — обрывки чужих жизней, стёртых из реальности. *Мама, не уходи. Я не хочу умирать. Как тебя зовут? Я забыл, как тебя зовут.* Воспоминания врезались в кожу, как осколки льда. Каждое — чужое. Каждое — настоящее. Каждое — *хотело стать его*.

Вэнс закричал, но звук утонул в рёве чужих голосов.

Его стеклянная рука вспыхнула. Трещины на предплечье разошлись, как паутина на лобовом стекле, и из них хлынул чёрный свет — Резонанс, вырывающийся наружу без контроля. Витрификация ускорялась. Он чувствовал, как холод ползёт от локтя к плечу, превращая мышцы в хрупкое обсидиановое кружево. Ещё минута — и он станет статуей. Ещё две — и рассыплется.

«*Сердце!*» — проорал в его голове Крюк. Лиса вцепилась когтями-шестерёнками ему в воротник, её синее пламя гасло под давлением тумана. «*Открой контейнер, идиот!*»

Вэнс не помнил, как нажал защёлку. Пальцы правой руки уже не слушались — стекло не гнётся. Но левая, живая, дёрнула крышку.

Латунное сердце вырвалось из контейнера, как птица из клетки.

И мир *остановился*.

Голоса замолкли. Туман замер. Даже гравитация, казалось, на секунду забыла, что должна тащить его вниз. Сердце зависло перед лицом Вэнса, пульсируя ослепительным голубым светом, и из него вырвалась волна — не звука, не света, а чего-то *третьего*. Чего-то, для чего у Вэнса не было слова.

Волна ударила в туман, и Море Забвения *расступилось*.

Фиолетовая пелена разошлась, как занавес, и Вэнс увидел то, что не должен был видеть ни один живой человек.

Дно.

Море Забвения не было бездонным. У него было дно, и на этом дне лежал *город*.

Гигантский, мёртвый, идеальный. Башни из белого камня, мосты, перекинутые через высохшие каналы, площади, вымощенные мозаикой, которая всё ещё блестела, как новая. Всё это было заключено в гигантский пузырь прозрачного янтаря — туман обтекал его снаружи, не в силах проникнуть внутрь. Город был запечатан. Законсервирован. *Спрятан*.

Артефакт дёрнулся, потянув Вэнса за собой, как собака на поводке. Гравитация вернулась, но теперь она была мягкой, почти ласковой — он не падал, а *опускался*, медленно, как перо в банке с мёдом.

Крюк фыркнул ему в ухо. «*Ты в порядке?*»

— Нет, — честно ответил Вэнс, глядя на свою правую руку. Трещины перестали расти. Стекло больше не звенело. Но холод остался, и Вэнс знал: это не исцеление. Это *отсрочка*. — Я должен был умереть тридцать секунд назад.

«*Технически ты мёртв. Просто ещё не знаешь об этом*», — Крюк лизнул его в щёку языком из синего пламени. Ожог был приятным. — «*Добро пожаловать на дно мира, босс*».

Они приземлились на площадь перед зданием, которое Вэнс принял бы за собор, если бы не гигантские буквы над входом, вырезанные на языке, которого не существовало уже тысячу лет. Но Вэнс почему-то *понимал* их. Словно кто-то вложил перевод прямо в его череп.

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ЭОНА. ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ХРАНИТЕЛЕЙ».

— Архив, — прошептал Вэнс. — Инквизиция ищет его восемьсот лет.

«А ты нашёл его за восемь минут. Талант», — Крюк спрыгнул с его плеча и затрусил к дверям, оставляя за хвостом дорожку из синих искр.

Двери были открыты.

Внутри было темно, сухо и пахло бумагой. Настоящей бумагой — не синтетическим пергаментом, который использовали на островах, а живой, шуршащей, пахнувшей клеем и чернилами. Вэнс зажгёт Резонанс на левой ладони — слабый оранжевый огонёк, — и его дыхание перехватило.

Книги. Миллионы книг. Стеллажи уходили вверх, теряясь в темноте потолка, и каждый был забит томами, свитками, картами, чертежами. Это был не просто архив. Это была *память мира до раскола*. Всё, что Море Забвения стёрло наверху, — здесь сохранилось.

И посреди этого океана знаний, за длинным столом, заваленным раскрытыми фолиантами, сидела девушка.

Она не подняла головы, когда Вэнс вошёл. Просто перевернула страницу и пробормотала: — Ты опоздал на одиннадцать минут. Я уже начала волноваться.

Вэнс замер. Его рука с Резонансом дрогнула, и тени на стенах заплесали.

Девушке было лет девятнадцать. Тёмные волосы, собранные в небрежный узел, из которого выбивались пряди. Серый плащ Инквизиции — но без нашивок, без знаков отличия, с оторванным капюшоном. Босые ноги, заляпанные фиолетовой пылью. И глаза — *неправильные* глаза. Радужка была не одного цвета, а мозаикой: кусочек золотого, кусочек зелёного, кусочек чёрного. Как витражное стекло.

Она наконец подняла взгляд. Посмотрела на Вэнса. На его стеклянную руку. На Крюка, который застыл у порога, вздыбив дымовую шерсть. На латунное сердце, всё ещё пульсирующее в воздухе над плечом Вэнса.

И улыбнулась. Не радостно. Скорее — *устало*.

— Элия, — сказала она, протягивая руку. — Элия Восс. Бывший архивариус третьего ранга, ныне беглянка, ныне — единственный человек в этом городе, который не мёртв. Приятно познакомиться. Ты, видимо, Вэнс.

Вэнс не пожал ей руку. Он сделал шаг назад, активируя боевой Резонанс — воздух вокруг его стеклянной руки задрожал, гравитация в радиусе метра исказилась.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Элия вздохнула, как учитель, объясняющий таблицу умножения в сотый раз.

— Потому что я трогала этот стол, — она постучала пальцем по деревянной столешнице. — А этот стол *помнит* тебя. Точнее, помнит момент, когда ты сюда войдёшь. Дерево впитало это воспоминание тысячу лет назад, когда Архив ещё работал. Я просто его... прочитала.

Она замолчала, и её разноцветные глаза потемнели.

— Это проклятие, если что. Абсолютная тактильная память. Я касаюсь предмета — и проживаю всё, что он «видел». Этот стол, например, помнит триста лет заседаний, одну казнь и то, как какой-то стажёр пролил на него кофе в 847 году до Раскола. Кофе был с молоком. Я до сих пор чувствую запах.

Крюк медленно подошёл к Элии и ткнулся носом в её колено. Дымовая лиса *никогда* не подходила к незнакомцам первой. Вэнс почувствовал, как у него по спине пробежал холод — и не от витрификации.

— Ты упала в Море Забвения вчера, — сказал Вэнс медленно, складывая факты. — Инквизиция объявила тебя мёртвой. Я читал донесение утром.

— Угу.

— И с тех пор ты сидишь здесь. Одна. В городе, которого не существует. И ждёшь меня.

— Угу.

— Почему?

Элия закрыла книгу. На обложке был тот же символ, что и на латунном сердце в воздухе. Она посмотрела на Вэнса — и в её мозаичных глазах он увидел то, что видел в зеркале каждое утро. Страх. Спрятанный глубоко, за слоями иронии и усталости, но настоящий.

— Потому что эта книга, — она погладила обложку, — помнит, как закончится мир. И в этом воспоминании *ты* стоишь в центре. С этим сердцем в груди.

Тишина.

Где-то в глубине Архива упала книга. Звук эхом прокатился по бесконечным стеллажам.

— В груди? — переспросил Вэнс, и его голос сорвался. — В смысле — *в груди*?

Элия не ответила. Она смотрела на латунное сердце, которое начало медленно опускаться, притягиваясь к грудной клетке Вэнса, как магнит к железу.

Крюк завыл — тихо, жалобно, как сломанный механизм.

А Вэнс почувствовал, как его собственное сердце пропустило удар. Потом ещё один. И ещё.

Латунное сердце пульсировало в унисон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.